

В это время даже другие также чувствовали, что все это было странно. Независимо от того, насколько случайными могут быть вещи, такое почти никогда не может произойти. Трижды подряд, когда музыка прекращалась, чашка вина текла перед тем же человеком.

С каких это пор были такие совпадения ?!

Пей Шу невольно посмотрел на одетого в синее юношу, желая сказать, но останавливаясь:

-Брат Сяо .....

Юноша только продолжала смотреть на струны цитры, не глядя ни на что другое и не замечая Пей Шу.

Чу Юй внезапно засмеялась. Она протянула руку и взяла чашу с вином из холодного ручья, затем повернулась к юноше в синем и улыбнулась:

-Как случайно

Затем подняла голову и проглотила вино.

Другим казалось, что Чу Юй хотела мирно заключить это, и не вдаваться в подробности. Но Чу Юй сама знала, что в ее словах есть более глубокий смысл.

Эти слова были сказаны для юноши в голубом, чтобы он услышал.

Хотя Чу Юй как бы знала, кто такая Принцесса Шань Инь и какие важные дела она делала, это была только Принцесса Шань Инь в истории. А как насчет принцессы Шань Инь как личности? Каким человеком она была? Какими были ее родственники? Через что она прошла? Была ли у нее любовь к красивым мужчинам или она зародилась позже? Был ли у нее кто-то, кого она любила глубоко или заботилась? Что ей нравилось и что она ненавидела? И с кем она встречалась раньше, кого она знала, или ... .. кто ее знал.

Хотя Чу Юй пыталась получить информацию от Ю Лан, это была точка зрения только Ю Лан на других, и она относилась к себе сама, избегая всех вопросов, спрашивая о своей личности, потому что она не хотела вызывать подозрение у большего числа людей. Поэтому, хотя она была здесь уже так много дней и унаследовала эту личность, она все еще почти ничего не знала о прошлом этой личности, которую она использовала.

Она знала принцессу Шань Инь как историческую фигуру, но не знала как живого человека.

Или она на самом деле подсознательно избегала этого вопроса. Если она слишком много знает, Принцесса Шань Инь действительно оживет в ее уме, и она будет чувствовать себя неловко, принимая это тело.

Эфирное чувство рассказывания слов и деталей в реальной жизни в это время, наконец, имело точку слияния, даже если они были такими разными.

Хотя она не знала, почему юноша в голубом мешает ей, она догадалась, что этот юноша, вероятно, знал принцессу Шань Инь, поэтому он сделал это специально.

Это предположение должно быть как минимум семь или восемь из десяти правильных.

Таким образом, Чу Юй использовала слова для дальнейшего изучения ситуации.

После того, как она заговорила, выпивая вино, Чу Юй не забыла отвлечь свое внимание, чтобы наблюдать за реакцией юноши в голубом. Не видя, как он меняет выражение лица, она не могла не быть немного разочарованной; но когда она вспомнила о принце-супруге, у которого были удивительные актерские способности, она снова расслабилась.

Никто не поднимал стол, бумагу или ручки, потому что те, которые были поставлены перед Хуан Юанем с прошлого раза, не были удалены. Служащий им мальчик, взял небольшой перерыв для себя.

На этот раз, не нуждаясь в том, что Чу Юй открыла рот, рука Хуан Юань добровольно потянулась к ручке кисти и чернилам.

Его слишком долго подавляли, ему нужен был этот шанс, чтобы все высказать. Депрессия этих двух лет, терпимость этих двух лет, до крайности загнала его сердце и душу; как несвободная птица в клетке, единственным выходом из него была эта бумага и ручка перед ним.

Еще два стиха были отправлены. Теперь не только Пей Шу, но и взгляды почти всех присутствующих были сосредоточены на Хуан Юане.

Когда прозвучала четвертая мелодия, многие устремили свои взоры на Чу Юй; и этот юноша в голубом не разочаровал их. Когда перед Чу Юй потек бокал с вином, музыка прекратилась, и Чу Юй с улыбкой подняла бокал с вином и выпила.

Вообще-то у нее был охранник Юэ Цзефей; ученый, она могла обманывать с Хуан Юань; даже если у этого юноши действительно была какая-то злоба на принцессу Шань Инь, ей все равно нечего бояться. Если солдаты придут, она заблокирует генералов; если начнутся наводнения, она заполнит их почвой[1]. Она собиралась посмотреть, что он на самом деле задумал.

*****

-Ценность Хуан Юаня заключается в том, что он не был намеренно вырезан, чтобы стать чем-то. Посмотри на него сейчас; он может быть просто камень с относительно более привлекательной формой. Но на самом деле под этой поверхностью похоронен настоящий прекрасный нефрит

Среди бамбука было очень тихо, настолько тихо, что можно было услышать только звук ветра, дующего через листья, и Ронг Чжи говорил:

-Но этот кусок прекрасного нефрита не так легко приобрести. Это ученый, потому что так мало людей коснулись его; но из-за этого, а также из-за его идентичности как потомка семьи Хуань, он имеет высокомерие в своих костях и его невозможно никому легко подчинить

Белые фигуры Мо Сяна были уже очень нестабильны, и первоначально сбалансированная ситуация теперь сильно склонялась в сторону.

-Я собираюсь подавить характер Хуан Юаня

Ронг Чжи посмотрел на два цвета кусочков и, тщательно обдумав свои дальнейшие шаги, продолжил:

-Он еще не достаточно обиделся. Я буду постепенно избавляться от всего его высокомерия от того, что являюсь потомком семьи Хуан, и заставлю его забыть о славе своих предков. У меня много времени для этого. А потом, в нужное время, когда все его предадут и покинут, я протяну руку помощи

Ему нужно было заставить Хуан Юаня думать, что все покинули его, включая его семью.

Утонувший человек, затопленный отчаянием, даже если это всего лишь кусок соломы, он все равно ухватится за него и никогда не отпустит.

Он мягко улыбнулся, его улыбка слегка обрадовала, и его тонкие пальцы взяли гладкую черную фигурку и поместили ее в глаз шахматной фигуры:

-И тогда он будет моим

Этот момент определенно будет очень восхитительным.

*****

Два, четыре, шесть, восемь, десять ...

Когда Хуан Юань записал свое двадцатое стихотворение, люди смотрели на него так, будто он был неземным существом.

Некоторые подозревали, что Хуан Юань написал много стихов давным-давно и писал их, поэтому все требовали от него сочинять стихи по темам. Так и сделал Хуан Юань, взяв ручку кисти сразу после прослушивания темы, даже не оставив времени на семь шагов между ними[2].

Но даже при том, что он массово создавал поэзию, подобную этой, никто из них не был сухим или скучным, и даже не был похожим; язык был еще более замечательным и добрым, заставляя людей по-настоящему восхищаться. За исключением юноши в синем, Ван Ичжи, Се Иньчжи и Чу Юй, которые могли чувствовать себя относительно спокойнее, эмоции всех остальных кипели от энтузиазма и идолопоклонства.

Это был не один или два стихотворения, а непрерывно составляющие десятки стихов; как ученые, многие из присутствующих пережили то время, когда они не могли придумать следующую строку, когда они так усердно думали, но все еще не могли найти нужные слова. С каких пор они увидели такой литературный талант, изливающийся, как водопад?

С древних времен люди говорили, что в литературоведении никогда не было номер один, и в боевых искусствах никогда не было номер два. Но эта первая половина предложения была верна только тогда, когда два человека оказались в одинаковых условиях. Хуан Юань был подавлен в течение двух лет, и теперь все изливалось, поэтому все остальные были скучны при его сравнении и должны были полностью признать превосходящий талант Хуан Юаня над ними.

По сравнению со славным временем Хуан Юаня, Чу Юй была по праву забыта. Теперь ее единственной ценностью было пить вино.

Несколько чашек были терпимы, но слишком много все равно не подойдет. И хотя специально изготовленная винная чашка не могла содержать слишком много жидкости, после многих чашек она все еще была значительной. Выпив десятую чашку, хотя Чу Юй еще не была пьяна, она уже начала намеренно контролировать свой прием алкоголя: когда она подняла чашку с вином из воды, она, казалось, непреднамеренно щелкала запястьем, наливая большую часть вина а позже даже наливая всю чашу.

Но в это время никого не волновало, пила ли она вино или нет, потому что почти все ждали следующего стихотворения Хуан Юаня с почти безумным отношением.

Двадцать, двадцать два, двадцать четыре, двадцать шесть ... Каждое слово было блестящим, каждая строка была сложной.

Когда они достигли тридцатого стихотворения, даже юноша в синем не удержался, глядя вверх и глядя на Хуан Юаня.

На этом поэтическом банкете, в котором Чу Юй решила принять участие в одно мгновение, человек, который получил центр внимания, был не свободным Ван Ичжи, не спокойным и глубоким Се Инчжи, и не Мастером Тысяч Золотых, про которого Чу Юй даже не знала, пришел он или нет, или кем он был, но Хуан Юань, человек, использовавший для обмана, человек, которого первоначально видели только как обманщика Чу Юй.

В шестнадцатый раз чашку с вином снова поместили в текущую воду, но музыка не звучала. Юноша в голубом поднял свою цитру и медленно вышел из павильона, затем подошел к Хуан Юаню; Взглянув на него, он холодно сказал:

-Ты изначально был отличным человеком

А затем ушел, не оглядываясь назад, не останавливаясь, как бы его ни звал Пей Шу.

[1]. Если солдаты придут, она заблокирует генералов; если начнутся наводнения, она наполнит их почвой: □□□□□□□□. Китайская идиома, означающая, что в этот момент все разрешится само собой

[2]. Время для семи шагов: б / у в истории Китая было великолепно известное стихотворение, состоящее из семи шагов; этот человек, пришедший к власти, заставил своего брата написать стихотворение за семь шагов, иначе он убил бы его: /

<http://tl.rulate.ru/book/14180/628199>